

Сегодня в нашей литературной странице — будущий инженер-металлург, работник третьего мартеновского цеха, сотрудник редакции, ветеран комбината.

Олег ЩУРОВ

Черный снег

Голубые снега России,
шапки снега на тонких березах...
А глаза

такие синие-синие,
словно туда
небо вмерзло.
А на лице — земля,
копоть втерта.
«Вы — соль земли,
вы — свет...»
Тусклая лампочка

Я думал,
что жил всегда,
а я был жителем
мертвого города?!
Когда это случилось,
когда?!
Зимой
семьдесят какого года?!
Кислородно-конвертерный цех —
второе рождение Магнитки
на Урале.
Значит,
мы умерли на глазах у всех?!
Значит,
мы умерли и не знали?!
Что ответил бы,

рабочей каптерки
над вчерашней газетой.
Голубые снега, России...
— Снежные городки

айда рушить!
А черный снег
черной металлургии
будете кушать?!
Я сам прокатан,
я сам из домен,
я сам уральской
каменной силы,
но, товарищи,
я хочу жить дома —
в голубых снегах России!

будь хоть праведник?
Что ответить?
Обидно.
Здесь и так живут
молча правильно.
А если говорят,
то фразами Центрального
телевидения.
Может, не надо
больше сенсаций?
Поменьше
в мозгу жиру!
Мне уже надоело
рождаться,
я давно хочу
жить!

Василий СКРЕБКОВ

А я кричал бездонным небесам:
— Она права, ее вы не вините!
Я понял все: я виноват был сам;
Вы только летний вечер тот
верните!
Но мне в ответ шумел под ветром
лес
И грудь студил осенний вечер
синий,
И птицы свой прощальный крик
с небес

Роняли на пылающий осинник.
Все было в жизни... Минуты года,
На сердце осень,
только не остыл я,
И в памяти остались навсегда
Любви нелепо сложенные крылья.
Я говорю бездонным небесам:
— Она права, ее вы не вините!
Я понял все: я виноват был сам.
Вы только нашу молодость
верните...

КВН любят все. Сегодня игра эта переживает свою вторую любовь. КВН ждут по телевизору, в него играют в детских садах и школах, в техникумах и вузах, на предприятиях и даже... во сне.

Ночью я проснулся от того, что замерз. Не открывая глаз, пошарил рукой вокруг себя — одеяло было, как всегда, во власти жены. Конечно, можно отвоювать свою долю тепла, но риско-

жив, не скупясь, испытанное лечебное средство в свежесваренный чай, я стал записывать им аспирин.

«Сейчас бы в постель, укутаться одеялом да не спеша наслаждаться этим полезным снадобьем», — мечтал я, сидя на краю ванны. И тут меня осенило: сбросив халат, я влез в ванну, зарылся в перо и с наслаждением допил обжигающий чай.

«Пропотею хорошенько,

Шутка сына встряхнула меня. Теперь я знал, что делать. Накнуив все тот же халат, я вызвал по телефону такси и через семь минут был в заводском Дворце.

Ребята, конечно, волновались. Пора было выходить на сцену. Коротко объяснив им в чем дело, я предложил обыграть свое, как мне теперь казалось, выгодное положение в соревновании. Ведь недаром я слыл самым находчивым.

На сцену вышли обе команды. В приветствии, разминке, в конкурсе домашнего задания я не участвовал. И это сразу сказало на успехе соперников. Они, конечно, ликовали. Я стоял за кулисами и ждал. Ждал своего звездного часа.

Зал был полон. В первом ряду сидели жена с сыном. «Сейчас увидишь, какой у тебя муж...» Додумать я не успел — начался конкурс капитанов. Капитан нашей «Шайбы», взяв за руку, вывел меня на сцену. Жюри, зрители и соперники были ошеломлены.

— Что бы это значило? — наш вопрос к капитану «Болта».

Подумав тридцать секунд, «болтун» подошел к микрофону:

— Мне кажется, это новая порода кур. А если это все же не птица, то что-то новое из коллекции Зайцева: рабочий костюм для поляриков.

— Ваш вариант ответа? — проговорил пораженный моим видом ведущий.

— Наш ответ: это естественная реакция живого организма на холодные батареи в начале апреля на Урале.

Зал взорвался аплодисментами. Все скандировали мое имя, ведь недаром по всеобщему признанию я считался самым находчивым на всем родном предприятии!

В глазах жены стояли слезы, а на коленях — термос с чаем.

«Киса моя», — растроганно подумал я, и... проснулся.

Нина БАРИНОВА

К В Н

ЮМОРЕСКА

вать я не стал, зная характер своей «кисы». В экстремальных семейных обстоятельствах в ней пробуждались потрясающие способности к перевоплощению: она моментально превращалась в камышевую кошку, а то и амурского тигра.

«Зачем это нужно, — дрожа, думал я. — Зачем будить? Зачем будить в собственной жене зверя?»

Дрожь усиливалась. Было ясно, что я заболел. И потому испугался. Не за себя — за родную команду клуба веселых и находчивых «Шайба». Они теряли своего лучшего игрока. Уже сегодня предстоит встреча с командой из клуба «Болт» соседнего цеха.

«И все она», — с опаской глядя на мирно спящую жену, думал я. Вспомнилось, как вчера помогал ей в ванне перетряхивать пух из перины, как распарившись хватанул ледяного кваску из холодильника. «А теперь вот команду родную подвожу», — терзался я.

Все знали, какой я веселый и находчивый, самый находчивый в «Шайбе». Но я знал больше: не только в своей команде, но и в цехе, а может, и на всем родном предприятии.

Надо было срочно спасать положение. Накнуив халат, на трещающих ногах я пошел на кухню, включил чайник, достал мед. Налю-

утром буду, как новенький». Эффект от меда, аспирина и пера вскоре дал о себе знать: все тело покрылось липкой испариной. Я погрузился в сон.

Утром, не найдя рядом веселого и находчивого, жена, к своему удивлению, отыскала меня в ванне, по шее зарытого в перо. Сквозь сон я почувствовал неладное: перевоплощение началось.

Усилием воли я разбудил себя. Бодренько вскочив, я с ужасом обнаружил, что все перья остались на мне. Будто диковинная птица, я был сплошь покрыт ими. Жена вновь загнала меня в ванну, пытаясь ошипать их. Все было тщетно — перьевой покров прочно держался.

К тому же, эта процедура причиняла нестерпимую боль. «Во попал, как кур в ошип», — не очень весело, зато находчиво пошутил я.

Жена, почему-то обидевшись, ушла в комнаты и не показывалась. Я сидел на краю ванны и думал, как выйти из создавшегося положения — стрелки часов неумолимо приближались к началу игры.

В ванную забежал сын. Увидев меня задумчивого и всего в перьях, он залился веселым смехом:

— Ой, папка, ты как страус с выдернутым хвостом из мультика.

«Ну малый, весь в меня. Преемник», — горделиво ответил я.

Мой город, мой завод — моя судьба

ЛЮДИ И ГОДЫ

П. ГЛУХОВ.

Начальник монтажа т. Куренков и бригадир Прокопенко посоветовались между собой и решили делать по-своему. Как только американские инженеры уехали на Березки на отдых, Куренков и Прокопенко собрали монтажников, поговорили с ними и началась напряженная работа. Прежде всего, как рассказывает Прокопенко, поверхность печей покрыли толстыми досками в два ряда. Потом подняли барилетты вверх и осторожно каждый перекатили по доскам к положенному месту. Работали всю ночь. Перед утренней сменой с поверхности убрали все доски, тщательно подмести.

Утром приехали американские инженеры и не поверили своим глазам — барилетты уже были на печах. Проверили поверхность печей, но не обнаружили ни одной царапины. Все же они были недовольны тем, что монтажники поступили вопреки их указанию. Приехал на печи Л. М. Марьясин с главным механиком. Иностранцы пожаловались им. Но Марьясин только покачал головой и сказал, что ему не были известны намерения монтажников, а сам улыбался, глядя на американцев.

В 1933 году П. М. Прокопенко командировали на учебу в город Свердловск на курсы красных директоров. По окончании курсов Петр Михайлович был назначен механиком на углеподготовку, где работал до ухода на пенсию по старости.

За время своей многолетней работы на коксохиме Прокопенко много раз награждался Почетными грамотами и получал правительственные награды — ордена и медали.

Несмотря на свой солидный возраст, П. М. Прокопенко длительное время принимал активное участие в общественной работе в микрорайоне.

Осенью 1931 года после рабочего дня возле восьмой коксовой батареи собрались рабочие, ИТР и служащие Коксохима. Тут же присутствовали американские инженеры. Предстояла торжественная растопка коксовых печей. Мистер Гетер, старший из американских инженеров, взял пучок сухой лучины, зажег его и передал начальнику Коксохима Марьясину. Лазарь Миронович

занес огонь в печь, заполненную сухими дровами. Они сразу же загорелись ярким пламенем. Раздались дружные аплодисменты. Остальные печи быстро растопили присутствующие инженеры, мастера, рабочие. Восьмая коксовая батарея была поставлена на сушку.

Вскоре после растопки печей восьмой батареи администрация Коксохима организовала в Березках в столовой ИТР вечер-банкет. Присутствовали на вечеринке инженерно-технические работники, рабочие, ответственные служащие, а также американские инженеры.

Говорили тосты. В зале с каждой минутой становилось все оживленнее. Оркестр заиграл фокстрот, но никто, кроме двух американских пар, танцевать не вышел. В те годы такие западные танцы, как фокстрот, еще не вошли в быт советских людей. Но вот послышались звуки вальса, и танцующих сразу же стало очень много, а когда оркестр заиграл барыню, поднялся такой гвалт в зале, что даже задрожали стены.

Сушка печей продолжалась около пятидесяти дней. В последних числах декабря 1931 года в праздничной обстановке в присутствии большого числа ИТР и рабочих, под звуки духового оркестра коксовальщик выдал из печи в тушильный вагон первый раскаленный «пирог» кокса.

Восьмая коксовая батарея вступила в эксплуатацию. Этому событию радовались не только строители коксохимкомбината, но и вся Магнитка.

Д. С. Бельский, вернувшись из Верхнеуральска, где заведовал курсами по подготовке каменщиков, был назначен начальником смены на восьмую коксовую батарею. Началась тяжелая работа по освоению действующих печей.

Были задержки в выдаче кокса. Отдельные «пироги» кокса не выходили из печи свободно, тогда приходилось горячий кокс выгребать вручную. Тушильный вагон передвигался «кукушкой», а не электровозом, как теперь. Машинист «кукушки» из своей низкой будки не видел, как идет загрузка тушильного вагона и передавал его по сигналу рожка. Было много и других пусковых неполадок.

— Как хорошо сейчас на коксохиме, — говорит Бельский, — вокруг всех батарей площадь асфальтирована. Кругом чистота.

Д. С. Бельский до старости работал на коксохиме. За свою работу имел награды и разные поощрения. Он на пенсии выполнял большую общественную работу по воспитанию молодого поколения. На общественных началах заведовал детским клубом.

В рубленом доме на первом участке небольшую комнату занимал со своей женой А. И. Хибовский. По внешнему облику (усами, лысиной) он очень походил на великого поэта Гараса Шевченко. А. И. Хибовский на Коксохите работал конструктором.

— Вот видели? — говорил он. — Пустили в эксплуатацию чугунолитейную вагранку производительностью пять тонн в сутки. Это же крупное событие. По существу стал работать небольшой завод. До революции под моим руководством одному частному капиталисту построена была примерно такая же вагранка, немного мощнее. По случаю пуска вагранки хозяин устроил праздник, два дня гуляли. Дым шел коромыслом. Все гости под столом валялись пьяные. А сейчас пустили вагранку, и начальник строительства даже не присутствовал. Не были представители и от общественных организаций. Это все объясняется тем, что здесь строится крупнейший в мире металлургический гигант, мощные коксовые батареи, по сравнению с которыми только что вступившая в жизнь вагранка является таким мизерным делом, что никто на нее не обращает внимания. Вот и обидно. Сколько сил, здоровья я потратил на нее, сколько ночей не доспал. А ведь такая вагранка крайне необходима для строительства нашего коксохимкомбината. Нас режут всякие чугунные детали, а теперь мы сами их будем отливать.

Приблизительно через месяц после вагранки в клубе Коксохита было торжественное собрание, посвященное годовщине Октября. На это собрание и концерт специальное приглашение получил и А. И. Хибовский. Когда вместе с женой он явился в клуб, сразу же обратил внимание на свой фотопортрет, вешенный на стене с лучшими ударниками строительства.

Докладчик в числе многих достижений, с которыми трудящиеся Коксохита встретили годовщину Великого Октября, упомянул и чугунолитейную вагранку, пущенную в эксплуатацию, а также в числе лучших отличившихся на строительстве людей назвал и Хибовского. А после доклада было объявлено, что Хибовский премируется денежной премией и путевкой в санаторий.

Хибовский сидел, слушал о себе хорошие слова, волновался, а у жены его по щекам катились слезы радости и гордости за своего мужа.

Окончание. Начало в № 83—85, 87, 88.